

ВСЕГО ОДНА КНИГА

Сегодня 20-е декабря. Совсем скоро, чуть больше месяца пройдет, и 27-го января мы снова будем отмечать годовщину,(81-ю!), полного снятия блокады Ленинграда.

Официально Санкт-Петербург не значится в числе городов-побратимов Челябинска. Но мы несомненные сводные братья! И свела нас, сроднив навеки, война и беда.

В годы войны на Южный Урал были эвакуированы из Ленинграда 329 предприятий и учреждений. Одних рабочих знаменитого Кировского завода было эвакуировано около 15-ти тысяч.

А еще были научные и учебные институты,(в том числе – библиотечный!), творческие коллективы, уникальные музейные коллекции с музейными кадрами. После прорыва блокады, многие вернулись в родной город, но многие прижились и остались на Урале, нашли здесь свою судьбу. Поэтому, день, который как дорогой праздник отмечают питерцы, он и наш праздник тоже.

К чему я сегодня об этом?

Дело в том, что 19-го декабря был день рождения писательницы Елены Николаевны Верейской. Это писательница XX-го века и ее давно уже нет с нами,(она ушла в 1966 году). Она, как раз, была коренной петербурженкой, дочерью профессора-историка Н.И.Кареева; училась на знаменитых женских «бестужевских» курсах, где преподавал ее отец.

Отец был человеком твердых демократических воззрений, с пониманием и сочувствием,(весьма деятельным!), относился к революционному движению, поэтому Елена Николаевна легко и спокойно приняла революцию 1917-го года и деятельно включилась в преобразование жизни. Революция застала ее в деревне Смоленской губернии и она там учила детей в школе, создавала библиотеку, организовывала драматический кружок – ставила спектакли с детьми и молодежью. Была она человеком светлым и теплым, умела дружить, поэтому ее воспитанники долго помнили о ней, переписывались и продолжали дружить.

Вернувшись в Питер, Е.Верейская намерена была и дальше реализовываться на образовательной ниве, но случай привел ее на заседание кружка детских писателей, который работал при Показательной библиотеке по детскому чтению в структуре Института им. А.Герцена. Там собирались такие «киты» детской литературы, как С.Маршак, К.Чуковский, Б.Житков, Е.Шварц, В.Бианки и др. И было это все,(не поверите!), в голодные, холодные, страшные 20-е годы...

Там было так интересно, что Е.Верейская решила попробовать писать для детей. Это, конечно, пришло не с бухты-барахты; писала она с детства и даже одно ее стихотворение,(ей было тогда 14-ть лет), было опубликовано в солидном журнале «Вестник Европы» - никак-нибудь! Но

прежний литературный опыт теперь не годился, нужно было и думать, и чувствовать, и писать по-новому - на кружке критиковали каждый опус так, что пух и перья летели!

Большим писателем Е.Верейская не была; у нее, что называется, был скромный талант и, собственно, от ее творческого наследия «в живых» осталась только одна книга – небольшая повесть «Три девочки. История одной квартиры». Впервые она вышла в 1948 году, была очень популярна у юных читателей и, особенно, читательниц. Но и в новом веке книжка не потерялась: в 2002 году она издавалась в серии «Любимые книги девочек» в изд. АСТ Астрель, это издание повторили в 2007 году; в 2015 году повесть издало изд. «Речь» и повторило это издание в 2024 году – как раз к 80-летию юбилею полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады.

Эта повесть о блокадных событиях – о том, как три девочки, три подружки из большой питерской коммунальной квартиры переживают страшное блокадное время.

Эти события Е.Верейская знала не понаслышке – она пережила в городе самые тяжелые месяцы блокады и была эвакуирована в феврале 1942 года.

Три девицы-отроковицы: Наташе – 12-ть лет, Кате и Люсе – по 11-ть, живут в одной коммунальной квартире. Когда Наташа с родителями переезжала сюда, она нарочно спрашивала: «А девочки в квартире есть?». И узнав, что есть, важно резюмировала: «Это хорошо. Потому что я люблю общество». Девочки очень разные. Основательная, вдумчивая и деятельная Наташа, легкая, подвижная, беспечная с ее вечной приговоркой «чудно- чудно- чудно!» - Люся и Катя – застенчивая, затаенная, маленькая сноровистая хозяйшюшка; они как-то сразу подружились – «Все три – как одна!» - все три одного роста и примерно одного возраста.

Первая часть повести начинается в августе 1940-го года и заканчивается празднованием нового, 1941-го года. Как замечательно они его встретили! И были уверены, что новый год «весь пройдет радостно и весело».

Эта «мирная» часть книги вмещает очень многое. Мы успеваем внимательно взглядеться в лицо каждого обитателя этой квартиры, привыкнуть к ним и полюбить их всей душой! И старика Якова Ивановича, потомственного рабочего Балтийского завода, - мастеровитого, сурового, жизнь готового положить за свою внучку Катюшку, но не умеющего дать ей нежности, тепла, ласки... Не умеет он это все! И Доктора, (обитатели квартиры точно даже его имени-отчества назвать не могут) – он всегда замкнутый, отстраненный от всех. Когда-то в молодости он пережил страшную трагедию и теперь защищается от всего мира броней своего одиночества. И шумную, жизнелюбивую медсестру Анну, маму Люси, (сразу понимаешь, в кого Люся такая стрекоза!). И маму Наташи, Софью Михайловну, которая обладает особым талантом – видеть, чувствовать, понимать людей. И ее отца, Леонтия Федоровича, который так внимателен к внутренней жизни своей дочери, который так щедро дарит свое время, свой талант просветителя и дочке, и ее подругам.

Вторая часть повести падает на нас как маскировочная штора на светлое окно. Сразу, резко – темно, холодно, страшно.

Мир большой коммунальной квартиры сжимается до двух комнат, (так тепло сохранять легче), да и осталось-то их – дети, да два старика; мамы сутками на работе в госпитале, Леонтий Федорович на фронте.

Что же «три девочки»? Совсем недавно, «в той жизни», они восторженно клялись: «Мы будем подругами...такими! Знаешь, такими, чтоб друг за дружку в огонь и в воду!». Теперь им приходится в реальности проходить и через огонь, и через воду. Они дежурят на крыше и тушат зажигательные бомбы, умея уже по звуку различать, летит ли это «наш самолет или вражеский». Они стоят в длинных, долгих очередях за хлебным пайком. Они ходят к проруби за водой – а там все так обледенело, что приходится у самой проруби уже даже не идти, а ползти... И так страшно упасть, разлить, не донести эту воду!

А сколько смертей они видят теперь вокруг! Всем им враз пришлось повзрослеть. Даже малышу Тотику, который уже ничего не просит и не плачет – «он точно понимал, что от него, маленького, который сам еще не может бороться, требуется одно: не мешать бороться старшим». Мороз по коже от этого горького смирения малыша! А Люся, наша беспечная стрекоза, Люся в один момент становится «тетей» для малышки, с которой она вместе оказалась заваленной в подвале после бомбежки.

В календарном листке на 20-е декабря значится такой праздник как Международный день солидарности людей. В Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятой 8-го сентября 2000 г., утверждается, что «солидарность в XXI-м веке станет одной из фундаментальных ценностей». Ох, как хотелось бы! Но что-то гложет червь сомнения... За прошедшие 25-ть лет как-то далеко в разные стороны ушли мы от тех положений, что там провозглашены!

И еще раз поражаешься огромному ресурсу солидарности людей того далекого времени, оказавшихся в таких чудовищных условиях, но не отказавшихся от «фундаментальных ценностей»!